

Научная статья

УДК 94(470+571):323.1:39

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-111-120

ЕДИНСТВО НАРОДОВ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНО-ТЮРКСКОГО И СЛАВЯНО-ФИННО-УГОРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аврutiна А. С.^{1,2*}, Решетников К. Ю.^{2,3}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва, Российская Федерация

³ Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: a.avrutina@spbu.ru

Поступила в редакцию 09.01.2026

После доработки 27.01.2026

Принята к публикации 09.02.2026

Аннотация

Цель. Исследовать исторические и культурные основы полиэтнического единства России, понимаемой как государство-цивилизация, на примере многовекового славяно-тюркского и славяно-финно-угорского взаимодействия.

Процедуры и методы. Анализируются ключевые механизмы интеграции: от политико-административных практик эпохи Золотой Орды и Московского государства до глубинных процессов языкового обмена, религиозного сосуществования и культурного синтеза. Рассмотрение построено на междисциплинарном подходе, сочетающем данные истории, лингвистики и культурологии.

Результаты. Сделан вывод о том, что симбиоз славянского, тюркского и финно-угорского миров сформировал уникальную модель российской цивилизационной идентичности, основанную на адаптации и синтезе, а не на ассимиляции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Установленная модель сохраняет свою актуальность для современной государственной политики и общегражданской солидарности.

Ключевые слова: Россия, государство-цивилизация, этническое взаимодействие, славяно-тюркский синтез, славяно-финно-угорский синтез, культурный обмен, полиэтничность

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания по НИР «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», шифр FSZG-2025-0004. Регистрационный номер: 1025021700071-2-6.3.1.

Для цитирования:

Аврutiна А. С., Решетников К. Ю. Единство народов России как государства-цивилизации в контексте славяно-тюркского и славяно-финно-угорского взаимодействия // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 111–120.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-111-120

© СС ВУ Аврutiна А. С., Решетников К. Ю., 2026.

Original research article

THE UNITY OF THE PEOPLES OF RUSSIA AS A CIVILIZATION-STATE IN THE CONTEXT OF SLAVIC-TURKIC AND SLAVIC-FINNO-UGRIC INTERACTION

A. Avrutina^{1,2*}, K. Reshetnikov^{2,3}

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

²*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

³*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation*

* *Corresponding author, e-mail: a.avrutina@spbu.ru*

Received 09.01.2026

Revised 27.01.2026

Accepted 09.02.2026

Abstract

Aim. The article is devoted to the study of the historical and cultural foundations of Russia's polyethnic unity, understood as a state-civilization, using the example of centuries-long Slavic-Turkic and Slavic-Finno-Ugric interaction.

Methodology. Key integration mechanisms are analyzed: from politico-administrative practices of the Golden Horde and Muscovite state eras to deep processes of linguistic exchange, religious coexistence, and cultural synthesis. The analysis is based on an interdisciplinary approach combining data from history, linguistics, and cultural studies.

Results. The conclusion is drawn that the symbiosis of the Slavic, Turkic, and Finno-Ugric worlds has formed a unique model of Russian civilization identity, based on adaptation and synthesis rather than assimilation.

Research implications. The established model remains relevant for contemporary state policy and all-citizen solidarity.

Keywords: Russia, civilization-state, ethnic interaction, Slavic-Turkic synthesis, Slavic-Finno-Ugric synthesis, cultural exchange, polyethnicity

Acknowledgments: This paper was prepared as part of the state assignment for the research project "The Identity of Russia as a Civilization-State: Political, Spiritual, and Social Aspects," project code FSZG-2025-0004. Registration number: 1025021700071-2-6.3.1.

For citation:

Avrutina, A. S. & Reshetnikov, K. Yu. (2026). The unity of the peoples of Russia as a civilization-state in the context of Slavic-Turkic and Slavic-Finno-Ugric interaction. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 111–120.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-111-120

Введение

Формирование России как сложного многонационального государства-цивилизации обусловлено многовековым взаимодействием различных этносов [1].

Особую роль в этом процессе сыграли славянские, тюркские и финно-угорские народы, чьё историческое соседство, интенсивный культурный обмен и совместное участие в государственном строи-

тельстве составили один из фундаментальных факторов генезиса российской цивилизационной модели [2].

Концептуальное осмысление России как «государства-цивилизации» (в отличие от классической модели национального государства) позволяет теоретически совместить принцип политико-культурного единства с признанием этнического многообразия [3]. Данная парадигма, подразумевающая признание русских как государствообразующего народа при сохранении полиэтничности, находит отражение в современных программных документах, включая Указ Президента РФ № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»¹, а также действующую Концепцию внешней политики РФ². Идея полиэтничного единства как структурной основы российской цивилизации имеет глубокие корни в отечественной мысли, будучи представленной в трудах классиков евразийства (Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого), Исаиила Гаспринского и позднейших исследователей, таких как Л. Н. Гумилёв³.

Исторические корни славяно-тюркского взаимодействия

История славяно-тюркских контактов восходит к периоду раннего Средневековья, когда происходило активное взаимодействие между восточнославянскими племенами и тюркоязычными кочевниками в пределах Восточноевропейской равнины. Уже на начальных этапах формирования древнерусской государственности предки восточных славян вступи-

ли в сложные отношения с Хазарским каганатом (VII–X вв.). Это тюркское государство вовлекало подвластные славянские племена Поднепровья и Подонья в орбиту своего политического и экономического влияния, что способствовало обмену товарами, технологиями и социальными практиками. Помимо хазар, летописные источники фиксируют тесные контакты русичей с другими тюркскими группами – торками и берендеями (чёрными клобуками), которые выступали то союзниками, то противниками русских князей, интегрируясь в систему пограничной обороны [4].

В IX–XII вв. важным узлом взаимодействия стали отношения Киевской Руси с Волжской Булгарией. Приняв ислам, болгары создали развитую городскую и торговую цивилизацию, поддерживавшую устойчивые экономические связи с русскими княжествами по волжскому пути. Археологические данные (например, находки болгарской керамики в Новгороде и славянских изделий в Биляре) свидетельствуют об интенсивности этого обмена. Одновременно южные границы Руси подвергались давлению со стороны кочевых объединений печенегов, а затем половцев. Характер этих отношений не сводился лишь к конфронтации; значимую роль играли династические браки русских князей с половецкой знатью, что стало устойчивой практикой вплоть до XVIII в.

Кардинальным этапом, оказавшим долгосрочное воздействие на все сферы жизни, стало монголо-татарское нашествие XIII века и последовавшее установление системы зависимости русских земель от Улуса Джучи (Золотой Орды). Несмотря на деструктивные последствия завоевания, ордынский период создал новую политико-административную реальность, в пределах которой происходила интенсивная интеграция славянской и тюрко-монгольской элит. Русские князья вынуждены были функционировать в рамках ордынских институтов (ярлык,

¹ Указ Президента РФ № 808 от 08.11.2023 г. «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // СПС Консультант Плюс.

² Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ № 229 от 31.03.2023 г. // СПС Консультант Плюс.

³ Гумилёв Л. Н. От Руси до России [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/R2R/index.html> (дата обращения: 26.12.2025).

тамга), что привело к заимствованию ряда управленческих и фискальных практик [5].

После распада Золотой Орды процесс включения тюркских политических образований в состав формирующегося Московского государства стал последовательной тенденцией. Присоединение Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, а также более раннее вхождение Касимовского ханства сопровождались интеграцией служилой татарской знати в русскую аристократию. Политика Ивана IV в покорённых регионах отличалась прагматизмом: местные элиты получали сохранение статуса при условии лояльности, а ислам не подвергался систематическому искоренению. В последующие столетия в состав России вошли и другие тюркские народы (башкиры, чувашы, ногайцы), активно участвовавшие в военной, экономической и культурной жизни империи [6; 7]. Таким образом, тюркский компонент являлся константой в процессе этногенеза и политического строительства русских на протяжении всей их истории, где фазы конфронтации сменялись периодами устойчивого союзничества и культурного синтеза.

Культурное единство славяно-тюркского мира

Языковой обмен

Славяно-тюркское взаимодействие оставило заметный след в лексических системах контактирующих языков¹. Русский язык содержит значительный пласт тюркских заимствований, охватывающих семантические поля торговли («базар», «караван»), финансов («казна»), одежды («башмак») и домашнего обихода. В свою очередь, тюркские языки Поволжья (татарский, башкирский) восприняли из русского и через его посредство из церковнославянского языка широкий спектр лексики, связанной с администрацией,

христианской религией и современными технологиями. Исторически сложившееся двуязычие в регионах совместного проживания (Поволжье, Сибирь, Дон) являлось важным фактором, облегчавшим экономическую кооперацию, межэтнические браки и транскультурную коммуникацию.

Религиозное сосуществование

Религиозный фактор сыграл ключевую роль в формировании модели межэтнических отношений. Доминирующие конфессии – православие у славян и ислам у тюрков – на протяжении столетий сосуществовали в рамках российского государственного пространства.

Следует отметить особую роль православия не только в становлении симбиоза славянских и неславянских элементов, который складывался начиная с первых веков II тыс. н. э., но также в формировании цивилизационного облика данного евразийского сообщества. Историческая линия цивилизационного развития, основанная на православном культурном коде, привнесла в процесс межэтнических контактов тенденцию к «положительному отбору» практик и ценностей. Речь идёт о такой стратегии адаптации этноисторического опыта, которая позволила русскому социуму, включая относительно ранние его формы, абсорбировать преимущественно лучшие этические, духовные и поведенческие паттерны, выработанные формировавшими его этносами².

Российская государственная власть, начиная с XVI в., демонстрировала прагматичную веротерпимость в отношении ислама, стремясь минимизировать конфликты. После присоединения Казани татарской знати было гарантировано право исповедовать свою религию, а в период правления Екатерины II был издан указ «О терпимости всех вероисповеда-

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. О. Н. Трубачёва. М., 2003–2007.

² Гумилёв Л. Н. От Руси до России [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/R2R/index.html> (дата обращения: 26.12.2025).

ний» (1773). Институционализация ислама проявилась в создании Магометанского духовного собрания в Уфе (1788), что позволило интегрировать мусульманское духовенство в общегосударственную структуру. В XIX в., несмотря на отдельные эпизоды миссионерского давления, тюркские народы в основном сохранили конфессиональную идентичность, что способствовало становлению уникальной модели религиозного плюрализма, где в практиках смешанных общин наблюдалось взаимное уважение к традиционным праздникам.

Литература и искусство

Феномен культурного синтеза ярко выражен в сфере литературы и искусства. Значительное число деятелей русской культуры имело тюркское (преимущественно татарское) происхождение, что отразилось на их творчестве. Генеалогия таких родов, как Карамзины (от князя Кара-Мурзы), Тургеневы, Апраксины, Юсуповы, демонстрирует глубину интеграции тюркской знати в русскую аристократию. В литературном процессе взаимовлияние проявлялось двояко: с одной стороны, русские писатели (включая указанных) вносили вклад в общенациональную культуру, с другой – тюркские литераторы (например, Габдулла Тукай) творчески осваивали как тюркские, так и русские художественные традиции.

В музыке и архитектуре также прослеживается синтез элементов. Восточные мотивы органично вошли в произведения русских композиторов-классиков (М. И. Глинка, А. П. Бородин), а в регионах с тюркским населением (Поволжье) сложился уникальный архитектурный стиль, сочетающий православные и мусульманские орнаментальные традиции. В советский период эта тенденция продолжилась в рамках политики, характеризующейся определением «национальная по форме, социалистическая по содержанию», породив ряд значительных произведений, созданных в результате твор-

ческого сотрудничества (балет «Шурале» Ф. Ярулина).

Исторические корни славяно-финно-угорского взаимодействия

История взаимодействия восточных славян с финно-угорскими народами представляет собой длительный процесс колонизации и симбиоза, начавшийся в период раннего Средневековья и определивший этнокультурный облик Северо-Восточной Руси. Проникновение славян в лесную зону Восточной Европы, традиционно населённую многочисленными финно-угорскими племенами (чудь, меря, мурома, мещера, весь, пермь), носило в целом мирный, постепенный характер, основанный на аграрной колонизации и развитии торговых путей. Археологические и топонимические данные свидетельствуют, что славянское расселение в междуречье Волги и Оки происходило не на пустующих землях, а в среде автохтонного финно-угорского населения, что привело к сложным процессам ассимиляции и культурного синтеза.

Важнейшую роль в установлении первых контактов сыграли походы новгородских словен на северо-восток, подчинение и обложение данью финно-угорских племён (корела, ижора, весь), а также активность волжского торгового пути. Летописные источники фиксируют присутствие мери, муромы и мещеры в составе населения Древней Руси как «чуждских» племён, которые постепенно интегрировались в социальную структуру формирующегося государства. Существенную роль в этом процессе сыграло возникновение и укрепление городов Северо-Восточной Руси (Ростов, Суздаль, Муром), выступавших центрами не только политической власти, но и культурного взаимодействия. Относительно мирный характер славянской колонизации в случае финно-угорских этносов, в отличие от часто конфронтационных отношений со степными тюрками, предопределил иную модель взаимодействия, основанную на

медленной инфильтрации и взаимной адаптации хозяйственных практик [8].

Кардинальным этапом, закрепившим финно-угорский компонент в составе русской государственности, стало возвышение Владимиро-Суздальского, а затем Московского княжества. Этот регион, исторически являвшийся зоной контакта, стал ядром формирования великорусской народности, в этногенезе которой финно-угорский субстрат сыграл существенную роль. Вхождение в состав Московского государства обширных территорий, населённых финно-угорскими народами, происходило по различным сценариям. Северо-западные земли (Карелия, земли вепсов и ижоры) вошли в орбиту Новгородской республики, а затем были присоединены к Москве. Присоединение пермских земель в XIV–XV вв., осуществлённое благодаря миссионерской и военно-дипломатической деятельности Стефана Пермского и московских князей, позволило расширить русское влияние в сторону Урала. Позднее, в XVI–XVII вв., в состав России вошли земли марийцев, удмуртов и мордвы, чему способствовало падение Казанского ханства и продвижение на восток. Интеграция обско-угорских народов (хантов и манси) в русское цивилизационное пространство началась с русской экспансии в XV–XVII вв., отмеченной конфликтами, такими как противостояние с мансийскими князьями Асыкой и Аблегиримом. В последующий период интеграционный процесс продолжился благодаря таким факторам, как административная система ясачного обложения, постепенная христианизация и вовлечение в экономические связи, что привело к сложному симбиозу традиционной культуры и российских государственных институтов.

Таким образом, финно-угорский мир не был для Руси внешней силой, но составил глубинный этнографический и культурный фундамент, на котором происходило становление российской государственности в её северных и восточных

пределах. Этот процесс характеризовался преимущественно не завоеванием и подчинением, а длительным сосуществованием, взаимным влиянием и постепенной интеграцией, в результате которой многие финно-угорские группы были ассимилированы, а другие сохранили свою идентичность в рамках общего политического и культурного пространства.

Культурное единство восточных славян и финно-угорских этносов

Языковой обмен

Языковое взаимодействие славян и финно-угров имеет глубокий и многослойный характер, обнаруживая несколько хронологических пластов, один из которых связан с субстратным влиянием. Финно-угорский субстрат в русском языке, особенно в севернорусских и отчасти в среднерусских говорах, просматривается на различных уровнях, в частности, на лексическом [9]. Одно из наиболее убедительных свидетельств былого преобладания финно-угорского языкового компонента на территории Центральной и Северной России – определённый тип топонимики и гидронимики. Названия многочисленных рек и населённых пунктов (Клязьма, Яхрома, Кинешма, Тотьма, Вологда, Сосьва и др.) имеют финно-угорское происхождение, указывая на древнее присутствие различных племён соответствующей языковой группы, в т. ч. такого исчезнувшего (ассимилированного) этноса, как меря.

Помимо субстратной лексики, русский язык в более поздний период заимствовал ряд слов, отражающих хозяйственные и бытовые реалии финно-угорских народов¹. К ним относятся: *тундра* (из саамского), *пурга* (из финского), *пельмень* (коми-пермяцкое *пельнянь* – «хлебное ухо»), *салака*, *камбала* и др. Обратное влияние – проникновение русской лексики в финно-угорские языки – было

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / пер. с нем. О. Н. Трубачёва. М., 2003–2007.

масштабным и распространилось на все релевантные сферы, от административно-политической терминологии до современных технологических понятий, что стало следствием длительного двуязычия в регионах совместного проживания [10].

Религиозное сосуществование

Религиозный аспект славяно-финно-угорского взаимодействия отличается от модели, сложившейся в ходе контактов с тюркскими народами, прежде всего отсутствием конкурирующей монотеистической традиции. Большинство финно-угорских народов России приняло православие, что стало решающим фактором их интеграции в русское культурное и государственное пространство. Крещение происходило в разное время: в случае карел и ижоры – в период новгородского влияния, в случае коми-зырян и коми-пермяков – благодаря деятельности Стефана Пермского (XIV в.), а в случае мордвы, марийцев и удмуртов – в основном после вхождения в состав Московского государства в XVI–XVIII вв.

Данный процесс не был одномоментным и безболезненным. Широко распространённым явлением, особенно в первые века после формального крещения, стало двоеверие – синкретическое сочетание православной обрядности с дохристианскими культами, анимистическими представлениями и мифологией [11]. Наиболее ярким примером устойчивости традиционных верований является марийское (черемисское) язычество, которое, несмотря на многовековое давление, сохранилось до наших дней, получив в постсоветский период статус официальной традиционной религии. Часть финно-угров, проживавшая в тесном контакте с тюркскими народами, подверглась исламизации (прежде всего, некоторые группы удмуртов и мордвы в Поволжье). В целом политика российского государства в финно-угорских регионах была направлена на христианизацию,

но в XIX–XX вв., особенно в советский период, акцент сместился в сторону построения секулярного общества. В современной России финно-угорские народы демонстрируют разнообразие религиозных идентичностей: от глубокой православной традиции (коми, карелы) до возрождающегося язычества (марийцы) и светского мировоззрения.

Литература и искусство

Культурный синтез нашёл выражение в фольклоре, литературе и искусстве. Финно-угорский этнографический материал оказал значительное влияние на русскую народную культуру, особенно в регионах совместного проживания. Эпические сказания, мифологические сюжеты, орнаментальные мотивы (геометрический «звериный стиль») финно-угров обогатили местные культурные традиции. В русской архитектуре, особенно в деревянном зодчестве Севера, прослеживаются заимствования строительных техник и планировочных решений.

В профессиональном искусстве и литературе взаимовлияние проявилось позднее. С одной стороны, русская классическая литература и музыка обращались к финно-угорскому материалу как к источнику экзотики и национального колорита (эпос «Калевала» в русских переводах, произведения, посвящённые Северу, сказовая проза П. П. Бажова и Б. В. Шергина, поэзия Н. А. Клюева). С другой стороны, формирование национальных литератур финно-угорских народов (марийской, мордовской, коми, удмуртской, хантыйской, мансийской) в XIX–XX вв. происходило под прямым влиянием русской литературной традиции, русской просветительской мысли и при активном участии русских педагогов и учёных. Среди примеров культурного диалога в сфере создания художественных текстов выделяется творчество основоположника марийской литературы С. Г. Чавайна, классика удмуртской поэзии Кузубая Герда, карельского писателя

Якко Ругова. В изобразительном искусстве и музыке XX в. также наблюдался активный поиск синтеза национальных финно-угорских форм с общеевропейскими и русскими профессиональными техниками, что привело к созданию самобытных произведений, вошедших в сокровищницу российской многонациональной культуры.

Современные аспекты единства народов России

Концепция России как евразийского государства-цивилизации предлагает теоретический фундамент для преодоления таких крайностей, как глобалистский космополитизм или, напротив, изоляционистский национализм. Научно обоснованное утверждение славяно-тюркского и славяно-финно-угорского единства как историко-культурной константы – наряду с другими межэтническими симбиозами в рамках страны – имеет не только академическое, но и социально-политическое значение, давая ключ к противодействию деструктивным попыткам использования этнического фактора для дестабилизации¹.

Исторический опыт показывает, что внутренние противоречия на национальной почве становились одним из главных триггеров ослабления государственности в переломные эпохи (1917, 1991 гг.). Современные вызовы в этой сфере носят комплексный характер, включая деятельность маргинальных организаций, пропагандирующих сепаратизм, что подтверждается правоприменительной практикой российских органов власти. В этих условиях особую важность приобретает сбалансированная историческая политика, признающая полиэтнический и поликонфессиональный характер рос-

сийского социума. Ярким свидетельством действенности цивилизационной, а не сугубо этнической идентичности является участие представителей всех народов России в защите государственных интересов, что демонстрирует зрелость сложившейся модели общегражданской солидарности.

Таким образом, актуализация знания об общей истории различных этносов и их совместном вкладе в становление России является не только задачей просвещения, но и важным элементом обеспечения гражданского мира и национальной безопасности.

Заключение

Как видно на примере славяно-тюркского и славяно-финно-угорского взаимодействия, единство народов России представляет собой результат многовекового процесса, основанного на взаимной адаптации, культурной диффузии и совместном участии в государственном строительстве. На пути от раннесредневековых контактов до современных форм культурного диалога данный симбиоз создал уникальную социокультурную модель, ставшую неотъемлемой частью российской цивилизационной идентичности². В современных условиях поддержание этого единства требует комплексных усилий в сферах государственной политики, образования и культурных практик. Полиэтнический мир в России является не только наследием прошлого, но и динамично развивающейся реальностью, а его нынешняя и будущая устойчивость тесно связана с пониманием многообразия как фактора цивилизационного роста и с признанием общего экзистенциального предназначения в контексте мировых процессов.

¹ Указ Президента РФ № 808 от 08.11.2023 г. «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // СПС Консультант Плюс.

² Гумилёв Л. Н. От Руси до России [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/R2R/index.html> (дата обращения: 26.12.2025).

ЛИТЕРАТУРА

1. История народов России в исследованиях и документах. Вып. 9: К юбилею В. В. Трепавлова / отв. ред. Дж. Я. Рахаев. М.: Институт российской истории РАН, 2022. 368 с.
2. Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2024. 847 с.
3. Данильченко С. Л. Российское государство-цивилизация в пространстве современного гуманитарного знания. Уфа: Аэтерна, 2023. 138 с.
4. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Квадрига, 2019. 496 с.
5. Почекаев Р. Ю. Золотая Орда и русские земли: юридические аспекты отношений (очерки по истории и антропологии права). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 288 с.
6. Иванов В. А. Чуваши: история и культура. Т. 1. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2009. 415 с.
7. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. Уфа: ДизайнПолиграф-Сервис, 2010. 560 с.
8. Клима Л. Финно-угорские народы в России в Средние века, 859–1118 гг.: финно-угры и самоеды на страницах Повести временных лет // Славянский альманах 2006. М., 2007. С. 43–60.
9. Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.
10. Кондрашкина Е. А. Будущее языков финно-угорских народов Российской Федерации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. № 15. Вып. 2. С. 262–271.
11. Налимов В. П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск-Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2010. 336 с.

REFERENCES

1. Rakhaev, D. Ya., ed. (2022). *History of the Peoples of Russia in Research and Documents. Issue 9: On the Anniversary of V. V. Trepavlov*. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (in Russ.).
2. Dugin, A. G. (2024). *Ethnosociology*. Moscow: Academicheskyy Proekt Publ. (in Russ.).
3. Danilchenko, S. L. (2023). *Russian State-Civilization in the Space of Modern Humanitarian Knowledge*. Ufa: Aeterna Publ. (in Russ.).
4. Pashuto, V. T. (2019). *Foreign Policy of Ancient Rus*. Moscow: Quadriga Publ. (in Russ.).
5. Pochekaev, R. Yu. (2022). *The Golden Horde and Russian Lands: Legal Aspects of Relations (Essays on the History and Anthropology of Law)*. Barnaul: Alt. Univ. Publ. (in Russ.).
6. Ivanov, V. A. (2009). *Chuvash: history and culture. Vol. 1*. Cheboksary: Chuvash Book Publ. (in Russ.).
7. Kuzeev, R. G. (2010). *Origin of the Bashkir people: ethnic composition, history of settlement*. Ufa: DesignPolygraph-Service Publ. (in Russ.).
8. Klima, L. (2007). Finno-Ugric peoples in Russia in the Middle Ages, 859–1118: Finno-Ugric peoples and Samoyeds on the pages of the Tale of Bygone Years. In: *Slavic Almanac 2006*. Moscow, 43–60 (in Russ.).
9. Myznikov, S. A. (2004). *Vocabulary of Finno-Ugric Origin in Northwestern Russian Dialects: Etymological and Linguistic-Geographical Analysis*. St. Petersburg: Nauka Publ. (in Russ.).
10. Kondrashkina, E. A. (2021). The Future of the Languages of the Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation. In: *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 15-2, 262–271 (in Russ.).
11. Nalimov, V. P. (2010). *Essays on the Ethnography of the Finno-Ugric Peoples*. Izhevsk-Syktivkar: Institute of Language, Literature, and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аврutiна Аполлинария Сергеевна (г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Центра фундаментальных и прикладных научных проектов Департамента научной деятельности Российского государственного гуманитарного университета, эксперт УНЦ «Высшая политическая школа им. И. Ильина» Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры теории и методики преподавания языков и культуры Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: a.avrutina@spbu.ru; ORCID: 0000-0003-3162-2825

Решетников Кирилл Юрьевич (г. Москва) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра фундаментальных и прикладных научных проектов Департамента научной деятельности Российского государственного гуманитарного университета, эксперт УНЦ «Высшая политическая школа им. И. Ильина» Российского государственного гуманитарного университета, старший преподаватель кафедры германских языков факультета иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;
e-mail: cyrilreshe@yandex.ru; ORCID: 0009-0008-0709-7761

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Apollinaria S. Avrutina (St. Petersburg) – Dr. Sci. (Philology), Senior Research Fellow, Center for Fundamental and Applied Research Projects, Department of Research Activities, Russian State University for the Humanities; Expert, Academic and Research Center "Ivan Ilyin Higher School of Politics", Russian State University for the Humanities; Professor, Department of Theory and Methodology of Teaching Languages and Cultures of Asia and Africa, Saint Petersburg State University;
e-mail: a.avrutina@spbu.ru; ORCID: 0000-0003-3162-2825;

Kirill Yu. Reshetnikov (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow, Center for Fundamental and Applied Research Projects, Department of Research Activities, Russian State University for the Humanities; Expert, Academic and Research Center "Ivan Ilyin Higher School of Politics", Russian State University for the Humanities; Senior Lecturer, Department of Germanic Languages, Faculty of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
e-mail: cyrilreshe@yandex.ru; ORCID: 0009-0008-0709-7761